

Под склоном горы голоса перекрывали друг друга.

— Бодхисаттва Царь Лекарств явил чудо!

— Прошу Бодхисаттву Царя Лекарств защитить моего ребёнка, чтобы он скорее выздоровел и больше не мучился от болезни!

— Прошу бодхисаттву даровать этому простолюдину справедливость!

— Пусть северные варвары больше не идут войной! Пусть двор не забирает мужчин в армию и не повышает налоги!

Кто-то даже кричал:

— Милосердный бодхисаттва, пошли мне красивую и хозяйственную жену!

Просьбы были самые разные — казалось, люди умудрились попросить обо всём на свете. Лу Шэн так замёрз, что губы посинели. Он достал из дорожной сумки на боку лошади плащ из волчьей шкуры и накинул на плечи. Хмурясь, он смотрел на расплывчатый силуэт Будды на скале. Даже в его сердце зародилось сомнение. А простодушный Байли Сяо тем более не выдержал:

— Неужели... бодхисаттва действительно явил чудо? Тогда и те обезглавливания в городе, выходит...

Красивое лицо Лу Шэна сначала выражало колебание, но постепенно стало твёрдым.

— За убийство отвечают жизнью. Будь виновник богом, буддой или демоном — я всё равно арестую его и передам закону.

Позади заскрипели колёса кареты по гравию. Раздался голос молодого господина Се — улыбчивый, но по-прежнему насмешливый:

— Амбиции у гунцао Лу немалые. Жаль только, встретив настоящего демона, вы прежде расстанетесь с собственной жизнью.

Лу Шэн обернулся. Бамбуковая штора на окне кареты наконец была поднята. Мокрые длинные волосы Се Жуна свободно лежали на плечах. Перепачканную чёрную верхнюю одежду он уже сменил и теперь был завернут в белоснежный меховой плащ, лениво подпирая подбородок рукой. Выглядел он настолько изящно и величественно, что слово «красавец» подходило ему как нельзя лучше. Вот только язык был слишком острым. Лу Шэн улыбнулся:

— Господин Се, простите мою дерзость, но благородному господину незачем без нужды рисковать собой. Лучше впредь держитесь подальше от дел, где замешаны убийства.

Се Жун холодно усмехнулся, но спорить не стал. Его узкие звёздные глаза скользнули к изображению на скале. Услышав, как крестьяне бормочут молитвы бодхисаттве, выставляют свечи и благовония, наскоро сооружают навес и начинают поклоняться, он улыбнулся ещё шире.

— Лу Шэн, ты знаешь, кого именно изображают статуя в храме и этот силуэт на склоне?

Лу Шэн опешил.

— В этом я совершенно не разбираюсь... Все говорят, что это Бодхисаттва Царь Лекарств. Может, тот, кто лечит людей?

Се Жун сказал:

— Бодхисаттвы носят лotosовые короны. Обе фигуры плохо сохранились, однако если присмотреться, видно: на голове нет короны. Верх округлён, словно драгоценная жемчужина. Это правозакрученные завитки волос Будды.

Лу Шэн растерянно спросил:

— И?..

Се Жун нахмурился.

— Глупец. В храме почитают Татхагату Лазуритового Сияния, Будду Медицины, равного по достоинству Махавайрочане. Это вовсе не Бодхисаттва Царь Лекарств. Люди повторяют слухи, ничего не проверяя, и всей толпой называют Будду бодхисаттвой. Подобный фарс редко увидишь даже в нашем мире.

Лу Шэн по-прежнему ничего не понял.

— И?..

Се Жун наконец посмотрел прямо на него. Уголки губ всё ещё были приподняты. Но затем бамбуковая штора опустилась, карета тронулась и на этот раз действительно уехала. Байли Сяо сказал:

— Старший брат Лу, я понял, что хотел сказать господин Се.

— Что?

— «Гнилое дерево не вырежешь».

Лу Шэн подумал: «Я даже восемь бессмертных толком различить не умею, а он требует от меня разбираться в чужеземных буддах». Вслух же лишь коротко бросил:

— Не болтай.

У подножия горы он нашёл деревенского старосту Шилипо и приказал выделить двух крепких мужчин для охраны места преступления. После этого вместе с Байли Сяо вернулся в Управление Цинмин, доложил о случившемся и распорядился начать расследование. Хотя мысли всё ещё крутились вокруг сегодняшних событий, сначала пришлось отправиться домой в квартал Юэчжао и сменить насквозь мокрую, перепачканную одежду. Родители Лу Шэна умерли давно. Он жил со старшим братом Лу Юанем, который был старше на шестнадцать лет. Брат давно женился, но детей у супругов не было, поэтому Лу Шэна он воспитывал почти как собственного сына. Недаром говорили: старший брат — словно отец, старшая невестка — словно мать. Семья Лу была небогатой. Наложниц они не держали, втроём жили мирно и дружно.

Лу Юань очень любил младшего брата. Единственное, чего никак не мог принять, — тот вопреки всем уговорам избрал военную службу. Сам Лу Юань выбрал гражданскую службу. Он служил при цензоре чиновником расчётного управления и ведал налогами с рынков крупного рогатого скота и лошадей. Южная династия переживала беспокойные времена, двор бурлил интригами. Придворный чиновник ежедневно рисковал сделать неверный шаг, военный жил на лезвии клинка. А работа Лу Юаня была сравнительно спокойной: целыми днями считать деньги и зерно. Их отец, Лу Чжань, тоже когда-то служил младшим офицером в гвардии Юйлин. Четырнадцать лет назад он погиб во время похода против жужаней. Мать и прежде была слабого здоровья и постоянно жила в страхе за мужа. Весть о его гибели сломила её окончательно. Несколько месяцев она тяжело болела, а перед смертью сжимала руку старшего сына и сквозь слёзы повторяла:

— Лучше быть собакой в мирные времена, чем человеком в эпоху смуты. Юань-эр, ты непременно береги Шэна. Мне не нужно, чтобы вы прославили род. Я только хочу, чтобы вы оба спокойно прожили эту жизнь.

Лу Юань по характеру был мягким и надёжным. Желание матери полностью совпадало с его собственным, и он твёрдо пообещал заботиться о брате. После её смерти он действительно растил Лу Шэна с большой любовью, а в шесть лет отдал его в академию Сунфэн. В детстве Лу Шэн подавал большие надежды. Его даже заметил знаменитый наставник Шуйюэ и взял в ученики. Если бы мальчик десять лет усердно занимался, при погибшем на службе отце, брате-чиновнике и рекомендации наставника Шуйюэ, даже выходец из незнатной семьи мог рассчитывать на достойный ранг и спокойное будущее. Но чем старше становился Лу Шэн, тем чаще слышал рассказы о героической смерти отца. В конце концов он решил стать военным. Наставник Шуйюэ передал его своему близкому другу, и с тех пор Лу Шэн начал обучаться боевому искусству у генерала Вэй Су.

В шестнадцать лет вступил в гвардию Юйлин. Теперь уже дослужился до гунцао. Лу Юань ругал его всякий раз, когда вспоминал об этом. Лу Шэн обычно успокаивал брата:

— Старший брат, Южная династия сейчас едва держится. На севере пять варварских народов терзают Центральные равнины, на юге жужани тревожат границы. Если каждый захочет только спокойно жить, кто тогда будет защищать такую жизнь?

Он усмехался и продолжал:

— Я обычный человек и не способен голыми руками спасти весь народ. Но хотя бы свою малую силу приложу — иначе опозорю память отца. К тому же... наставник Шуйюэ сказал, что у меня нет таланта к учёбе, и больше меня не учит. А так ты занимаешься гражданскими делами, я — военными. Один брат владеет пером, второй мечом. Отец с матерью наверняка были бы довольны.

После такого потока слов у Лу Юаня обычно начинала болеть голова. Со временем он действительно стал ругать младшего реже. К счастью, когда Лу Шэн вернулся домой в тот день, старший брат всё ещё заседал в управлении цензора. Зато госпожа Чжоу, его невестка, была дома. Увидев Лу Шэна насквозь промокшим, она сразу разволновалась. Велела служанкам приготовить горячую воду для купания, а сама сварила имбирный отвар и заставила его выпить две полные чаши. Лу Шэн терпеть не мог резкий вкус имбиря. Он влил в себя обе чаши с таким лицом, будто пил лекарство, после чего поспешно сбежал мыться. На следующее утро, прибыв на службу, он первым делом прочитал отчёт коронера, который всю ночь осматривал тела. Убитые в храме оказались сиротой Чжао Лань и Ду Гао, племянником старшего Ду.

Обоим почти перерубили шею острым оружием. Раны были очень похожи на те, что оставались после двух предыдущих обезглавливаний. Но на этот раз убийца то ли внезапно лишился силы, то ли в последний момент передумал: оба удара остановились на половине. Советник Лю стоял рядом и докладывал:

— Гунцао Лу, получилось так, что все три дела осматривал Бянь Цин. Он сравнил раны и уже уверен: во всех трёх случаях использовалось одно и то же оружие. Скорее всего, буквально один и тот же клинок.

Он продолжил:

— Этих двоих убийца, вероятно, атаковал в спешке. Ударил один раз и был вынужден скрыться. В обычных условиях мы наверняка нашли бы следы, но вчерашний ливень всё смыл.

Бянь Цин работал коронером больше тридцати лет и отличался исключительной наблюдательностью. Если он давал такое заключение, ошибался редко. Цзи Чун сидел, поджав ноги, в широком кресле и изображал глубокие размышления.

— Чем больше смотрю, тем меньше понимаю этого бодхисаттву.

Байли Сяо возразил:

— По мнению этого подчинённого, Чжао Лань и Ду Гао убили злодеи. Это и разгневало бодхисаттву. Потому вчера гора обрушилась и возник священный образ — предупреждение преступникам.

Он оживился:

— Теперь об этом говорит вся округа в радиусе ста ли от Цзянье. Богатые семьи даже собирают пожертвования на восстановление храма Царя Лекарств. Если бы гвардия Юйлин не оцепила Шилипо, там уже не протолкнуться было бы.

Лу Шэн удивился:

— Так быстро?

Затем беспомощно улыбнулся. В стране смута, повсюду война, враги стоят у границ, народ живёт в страхе — неудивительно, что люди всё охотнее хватаются за веру в богов и будд. Но противоречий становилось всё больше. Лу Шэн закрыл папку с делом, велел остальным продолжать работу и покинул управление. Сегодня он собирался, как и обещал, навестить Се Жуна. Переулок Чжуцзе был аккуратно вымощен голубовато-серым камнем. Между плитами не росло ни единой травинки. Здесь царила удивительная тишина. Каждый прохожий выглядел прилично и богато. Даже слуги носили дорогую одежду. На мгновение можно было подумать, что государство процветает, границы спокойны и в Поднебесной царит мир. Люди с голодными лицами, беженцы в лохмотьях и бедняки сюда просто не попадали.

Возле моста Лома стояла большая усадьба. По обе стороны от покрытых чёрным лаком ворот лежали каменные львы, катившие шары. На золотой деревянной табличке у входа был написан всего один иероглиф:

«Се».

Должно быть, здесь и жил молодой господин. Лу Шэн поднялся по ступеням. Едва пальцы коснулись дверного кольца, как створка со скрипом сама приоткрылась. Он удивлённо опустил взгляд. Из щели выглядывало маленькое печальное лицо. Жоде. Девочка моргнула. Сегодня она выглядела куда менее оживлённой, чем при первой встрече.

— Господин гунцао, хозяин велел передать, что его нет дома.

Лу Шэн приподнял бровь.

— Я ещё не успел постучать. Откуда ты узнала, что кто-то стоит у ворот?

Жоде фыркнула и гордо вскинула подбородок.

— Мой господин знает всё на свете!

— Вот как?

Лу Шэн скрестил руки на груди и улыбнулся.

— Поистине божественная прозорливость. А когда и где он велел передать мне это?

— Только что! В цветочной гостиной. Господин рисовал...

Слова сорвались у неё сами собой. Жоде мгновенно покраснела.

— То есть... рисовал раньше. А сейчас уже вышел.

Лу Шэн мысленно вздохнул. Се Жун и правда человек непростой. К счастью, у него имелся другой способ. Он всё так же улыбался.

— Тогда передай господину, что я принёс подарок. Если он не захочет принять — заберу обратно.

Жоде сразу заинтересовалась.

— Какой подарок?

Лу Шэн достал из-за пазухи чёрную нефритовую подвеску, показал ей и тут же спрятал обратно. Глаза Жоде округлились.

— Так это господин гунцао её нашёл...

Она резко замолчала. А затем распахнула ворота и отступила в сторону с лучезарной улыбкой.

— Господин приглашает гунцао Лу войти.

Лу Шэн переступил порог и задумчиво взглянул на Жоде. Самостоятельно принять такое решение служанка точно не могла. Значит, Се Жун каким-то образом дал ей знак. Но как

именно?

Лу Шэн ничего не заметил. Жоде провела его через декоративные ворота, крытые галереи и внутренние дворы. Наконец в небольшой цветочной гостиной он увидел Се Жуна. Тот был одет в чисто-белую даосскую робу. Густые чёрные волосы свободно падали по спине, лишь в нескольких местах были перехвачены белой шёлковой лентой, чтобы не лезть в лицо. В руке Се Жун держал кисть из волчьего волоса и быстро писал тушью по сюаньской бумаге. Кисть двигалась без остановки, уверенно и легко. Когда Се Жун полностью погружался в работу, он напоминал нефритовое дерево в цвету — холодное, чистое, недостижимое. Человеку рядом с ним невольно начинало казаться, будто даже стоять на одном уровне — уже осквернение. Но Лу Шэн быстро забыл о самом художнике.

Его захватила картина. Среди облаков и тумана поднимались величественные горы. Водопад низвергался с высоты, словно Небесная река, падающая на землю с силой грома. Внизу он превращался в могучую реку, уходящую до самого горизонта. Горы были написаны сухой густой тушью, вода — насыщенной, туман — размытой, небо — лёгкой и прозрачной. Всё различалось и одновременно составляло единое целое. Отдельных мазков почти невозможно было увидеть, но пространство картины казалось бескрайним. Когда Се Жун положил кисть, Лу Шэн наконец очнулся. Он глубоко вдохнул.

— Дух вложен в горы, жизнь — в воду. Такое мастерство редко встретишь. Неужели господин и есть знаменитый молодой мастер Цяньшань?

Се Жун слегка нахмурился. Он взял тушечницу и вылил оставшуюся тушь прямо на картину. Половина великолепного пейзажа мгновенно превратилась в чёрное пятно.

— Нелепая догадка.

Он холодно продолжил:

— Оставим пустые разговоры. Отдай подвеску.

Лу Шэн кашлянул, скрывая неловкость. Молодой мастер Цяньшань славился и каллиграфией, и живописью. Люди видели его картины, но самого художника никто не знал. Даже наставник Шуйюэ, некогда обучавший самого императора, высоко ценил его работы и говорил, что в них есть «пустая ясность и холодное одиночество, будто они не принадлежат человеческому миру». Лу Шэну казалось невероятным, что подобные картины способен создавать избалованный молодой господин, живущий в роскошной усадьбе. Он улыбнулся:

— Я ещё даже не сел, не выпил глотка чая, а вы уже требуете вещь с таким видом, будто грабите меня. Разве это гостеприимство?

Се Жун сохранял каменное лицо.

— Сестъ.

Он повернул голову к служанке.

— Чай.

Лу Шэн сел. Служанка в синем поставила перед ним чашку. Фарфор был белым, словно снег, и тонким, почти как бумага. Лу Шэн сделал глоток. Сладковатый аромат сразу наполнил рот, горло приятно увлажнилось.

— Прекрасный чай.

Се Жун равнодушно ответил:

— Угу. Отдай.

<http://bllate.org/book/22499/2375496>